

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАСЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Л. И. Смирнова

МИНИАТЮРНАЯ КОРЯКСКАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ КОСТИ И ДЕРЕВА

Миниатюрная скульптура из кости в Северо-Восточной Азии кроме коряков известна у чукчей, эскимосов, якутов и алеутов. Искусство резьбы из кости у коряков родственно чукотско-эскимосскому. Мотивы его у коряков — отражение быта — совпадают с чукотскими, но корякская резная кость не была подражанием. Своей выразительностью, художественностью и реалистичностью миниатюрная скульптура коряков заметно выделяется среди аналогичных произведений других народов крайнего северо-востока Азии.

Несмотря на то что костяная скульптура коряков привлекала внимание многих исследователей Камчатки [1, 54—59; 2, 62; 3, 86—87; 4, 24—27; 6, 387, 657, 658; 8, 646—666], обобщающих исследований о ней не имеется. Мало известно о скульптуре деревянной [8, 646—666].

В литературе первым упоминает о резной скульптуре из кости у коряков Карл Дитмар, участник экспедиции на Камчатку в 50-х годах XIX в. В его работе «О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах» этому вопросу уделена лишь одна фраза о том, что у олюторцев он видел «разные резные вещи из моржовых зубов, как-то: трубки, маленькие чашки, ложки, поясные застёжки и разные разности; наконец, игрушки, которые в особенности проявляют изобретательность этого народа» [2, 62].

В 1900 г. в Петербурге вышла книга Н. В. Слюнина¹ «Охотско-Камчатский край». В ней автор наряду с географическим и историческим очерком Камчатки, данными о климате, населении и торговле мимоходом упоминает и о резьбе коряков по кости и дереву [6, 387, 657, 658]. Интересно замечание автора о том, что яранги коряков-олюторцев «полны» изделиями из кости. Он пишет, что они служат иногда игрушками для детей, но больше «представляют местные bibelots (маленькие декоративные художественные ценности), в которых высказывается остроумие, наблюдательность и техника инородца» [6, 658]. Восхищаясь высокими художественными достоинствами скульптур, Н. В. Слюнин выражает надежду на то, что в дальнейшем этот вид искусства получит большее распространение. В книге приведено изображение 13 предметов скульптуры на 11 рисунках без описания. Это первая публикация корякской скульптуры в печати. Собранная Н. В. Слюниным на Камчатке коллекция скульптур из кости (108 предметов) хранится в Государ-

---

¹ С 1896 г. он в качестве врача входил в состав Охотско-Камчатской экспедиции и имел право самостоятельных разъездов и отдельной зимовки.

ственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде (далее — ГМЭ). В 1904 г. она была кратко зарегистрирована С. И. Руденко (ГМЭ 4879).

В 1898 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (далее — МАЭ) получил большую коллекцию этнографических предметов от Н. Л. Гондатти, который три года прожил в Анадырском округе среди чукчей и других народов края. По просьбе директора музея, пользуясь этими материалами, В. Г. Богораз написал и издал в 1901 г. «Очерк материального быта оленных чукчей» [1]. Работа посвящена описанию чукотского жилища, утвари, одежды, предметов охоты, оленеводства и т. п., а также описанию костяных изделий чукчей. Параллельно В. Г. Богораз коснулся вопроса о костяных изделиях коряков и родственных им кереков. Скульптуре коряков он посвящает две таблицы с 40 рисунками и одну страницу краткого описания их, скульптуре кереков — две таблицы. В работе указывается, что «чукотско-коряцкие изделия поражают своей неприменимостью к... требованиям практической жизни» [1, 55].

В начале 1900 г. Северо-Тихоокеанской экспедицией американского Музея естественной истории в Нью-Йорке на Камчатку для проведения археологических раскопок и этнографического изучения коряков был отправлен В. И. Иохельсон. Результатом его исследований явилась монография «The Koryak». Искусству коряков в шитье одежды, вышивании, изготовлении домашней утвари и других предметов В. И. Иохельсон посвятил главу «Искусство», выделив в ней специальный раздел «Скульптура» [8, 646—666]. Много внимания автор уделяет сравнению резьбы по кости у коряков с резьбой у чукчей, эскимосов, индейцев, якутов и алеутов. В монографии опубликовано 45 рисунков миниатюрных скульптур. Из них 34 — из моржовой кости, 2 — из рога горного барана и 9 — из дерева; 18 фигур изображают человека, 6 — человека с животным, 19 — животных, птиц и рыб и 1 — остов полуподземного жилища коряков, который еще не засыпан землей, с фигурой человека наверху и головой жертвенной собаки, насаженной на столб, и прислоненным копьём, которым она была заколота [8, 665, fig. 182]. Все коллекции В. И. Иохельсона хранятся в Музее естественной истории в Нью-Йорке, и, насколько известно, дальнейших публикаций миниатюрной скульптуры коряков из этих коллекций осуществлено не было.

В своей работе «Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана» [3, 86—87] В. И. Иохельсон кратко возвращается к скульптуре коряков из кости и снова отмечает ее более высокий художественный уровень по сравнению с резной костью эскимосов, чукчей, индейцев. В ней помещено несколько рисунков из упомянутой выше монографии.

В 1964 г. вышла в свет работа Е. П. Орловой «Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость», являющаяся наиболее полной публикацией материалов резной кости народов северо-востока Сибири. Книга написана на основании изучения коллекций ГМЭ. В конце ее дан список коллекций чукотской, эскимосской, корякской и алеутской резной кости, хранящихся в фондах ГМЭ, годы сбора и фамилии собирателей [4, 36—37]. В книге представлено восемь таблиц корякской резной кости с 79 фотографиями скульптур. Однако описанию резной кости коряков в книге уделены всего две с небольшим страницы [4, 24—27].

О происхождении скульптуры у коряков по имеющимся данным судить трудно. У коряков XIX — начала XX в. известны украшения из кости на ложках, трубках, палочках для выбивания снега, шахматных фигурах и т. д., т. е. на предметах быта. Скульптурная резьба на них

стоит как бы на грани художественного ремесла и изобразительного искусства. Она посвящена тем же сюжетам — изображению людей, животных или птиц — и сделана в той же художественной манере, что и самостоятельная резная скульптура. Так же как и последняя, она может представлять целую жизненную сцену. Тяготение к скульптурному украшению всевозможных предметов быта, видимо, явилось одним из истоков развития самостоятельной скульптуры. Возможно также, что костяные и деревянные фигуры изготовлялись для собственного удовольствия и как игрушки для детей, а также в связи с большим спросом со стороны русских готовились на продажу. Так, различные резные изделия из кости Дитмар считает «игрушками» [2, 62]. Игрушками же называет Йохельсон те предметы, в которых сделано отверстие, и отмечает, что они всегда выполнены хуже [8, 668].

В коллекционных описях ГМЭ фигуры животных из кости, связанные сухожильной ниткой через специально оставленные отверстия в них, так и называются «игрушками», «связками игрушек». В описании одной из таких связок читаем: «Связка игрушек, сделанных родителями для своих детей... Такого рода игрушки делаются коряками Гижигинского округа, живущими на берегу Охотского моря в местности Тайгонос и занимающимися главным образом рыболовством и охотой на морских животных» [ГМЭ 862—1а/2 bcde]. Такие связки объединяли изображения различных животных, например: утку, медвежонка и сову (ГМЭ 862—2 abc), тюленей и собак (ГМЭ 862—1а/2 bcde), тюленя, собаку и птицу (ГМЭ 862—3 abc). Иногда игрушками названы и отдельные фигуры (МАЭ 6355—20, 21). Те же пометы в описях — «игрушки» — относятся и к деревянной скульптуре (МАЭ 3896—32, 33).

В коллекционной описи ГМЭ № 867, вещи которой приобретены в 1903 г. в Гижигинском районе, стоит помета «для продажи».

В литературе не имеется указаний о культовом применении скульптуры, о связи ее с религиозными взглядами коряков, отмечается только художественное и бытовое ее значение.

Причину исчезновения скульптуры указать трудно, можно лишь предположить, что выделывание ее прекратилось с уменьшением поголовья моржей у берегов Камчатки. Современные исследователи коряков В. В. Антропова, Е. П. Орлова и И. С. Вдовин во время своих экспедиций на Камчатку в 50-е годы уже не видели резных изделий. Мастерских по резьбе там никогда не было, работа производилась отдельными лицами, и ни одного имени мастера до нас, к сожалению, не дошло. Костяная и деревянная скульптура коряков, хранящаяся в двух музеях Ленинграда — МАЭ и ГМЭ, относится к небольшому отрезку времени: сбор и приобретение конца XIX — начала XX в. Во все последующие годы поступлений корякских скульптур в эти два музея не было.

* * *

Скульптуру коряки вырезали только из дерева и кости. По литературным источникам и данным коллекций ГМЭ и МАЭ можно установить ареал использования каждого материала.

Резьбой из дерева занимались оседлые коряки северного побережья Пенжинского и Гижигинского заливов, Карагинского и Тигильского районов, в селениях Парень, Иткана, Микино, Шестаково, Пенжина, Теличики, Левата, Карага и Тигиль. Резьбой из кости — жители побережья Берингова моря и залива Корфа и отчасти жители северного побережья Пенжинского и Гижигинского заливов, в селениях Апука, Олюторское, Куэль, Парень, Кушка, Лесная. Таким образом,

вырезыванием занимались (в разной степени и из разного материала) прибрежные коряки почти на всем протяжении своего расселения. Часто в описях ГМЭ стоит помета собирателя. «Камчатка» или «Камчатская область», из чего можно заключить, что занятие резьбой было настолько характерным явлением для коряков, что собиратели не обращали особенного внимания на точное указание места сбора предмета. Древесным материалом служили лиственница, тополь, ольха, предпочитались береза и каменная сосна, хотя последняя поддается резцу с большим трудом. На побережье Берингова моря использовались клыки моржей, в изобилии водившихся в тех водах; в других местах помимо моржовой кости использовали лопатки и позвонки кита, рога оленей и горных баранов. В некоторых селениях скульптуру делали как из кости, так и из дерева. Обращение к тому или иному материалу зависело от географического положения района.

Иллюстрации в монографии В. И. Иохельсона дают представление о высоком уровне мастерства пареньских резчиков. Именно их резцу принадлежит несколько замечательных работ из кости, изображающих камлание шамана, старинный способ добывания огня трением, в котором заняты двое, и уникальная костяная скульптура остова воронкообразного зимнего жилища, еще не засыпанного землей [8, 665, fig. 182]. Как известно, эти старинные воронкообразные жилища были типичны только для приморских коряков. Ни у одного народа Сибири не было такой своеобразной конструкции верхней части жилища. Сейчас в связи с социалистическим переустройством жизни народов Севера воронкообразные жилища отошли в прошлое, и эта скульптура имеет поэтому особую этнографическую ценность. В коллекциях МАЭ также имеется привезенная из Кушки скульптура воронкообразного жилища с фигурой человека наверху (МАЭ 956—122). Она выполнена из цельного куска белой моржовой кости. И хотя на ней нет выточенных отдельных бревен, как на рисунке в монографии В. И. Иохельсона, она дает ясное представление о схеме древнего жилища (рис. 1).

Корякский резчик редко занимается отделкой мелочей. На первом плане для него выражение мысли художника, передача главного в наблюдении, которое он хочет донести до зрителя. Динамика подчас передается грубовато. Мастер довольствовался передачей основных признаков, не интересуясь деталями и отделкой фигуры. Однако эта манера не только не снижает художественного уровня произведения, впечатления жизни в скульптуре, но даже подчеркивает замысел резчика, если не объясняет его. Среди корякских скульпторов были художники в полном смысле этого слова. Они изображали не только предмет, но и свое отношение к нему, собственное понимание.

Говоря о художественных особенностях корякской скульптуры, нужно отметить также, что в противоположность чукчам у коряков никогда не было развито искусство гравировки, а в противоположность якутам — искусство мелкой отделки деталей. В целом корякская скульптура гладкая. Только некоторое количество костяных фигур или края подставок изредка орнаментированы. Орнамент геометрический.

Всю круглую миниатюрную скульптуру коряков можно классифицировать следующим образом: 1) зооморфная скульптура (одиночная и групповая); 2) антропоморфная (одиночная и групповая); 3) антропозооморфная (смешанная). При этом нужно отметить, что в дереве антропоморфная групповая и смешанная скульптура представлена значительно меньшим количеством предметов, чем в кости.

Большое место занимают изображения животных, и в каждой скульптуре заметно стремление выразить их характер: грозность и тя-

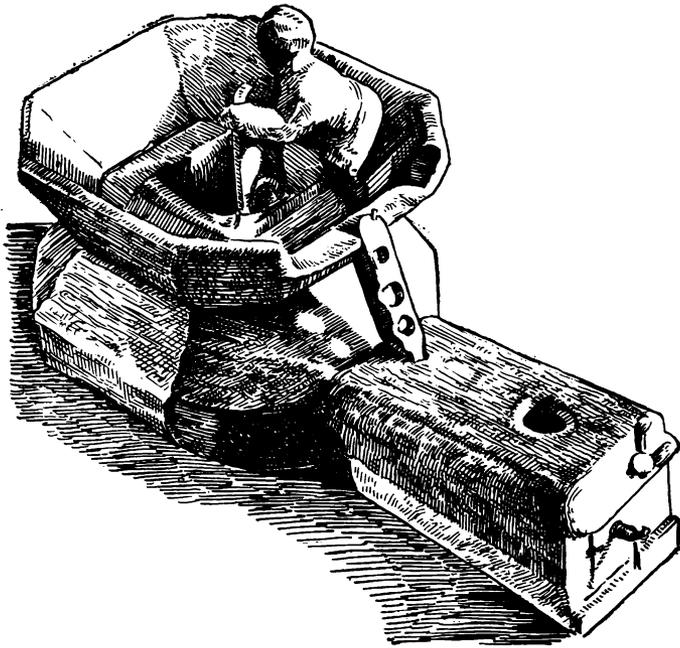

Рис. 1

желовесность медведя, покорность оленя, беспомощность зайца, а собаки чаще всего изображены подтянутыми, в порывистом движении.

Особенно широким планом в большом многообразии представлена фауна Камчатки в зооморфной одиночной скульптуре из кости. Скульптор изображает в основном промысловых сухопутных и морских животных, рыб и птиц. Все одиночные зооморфные скульптуры вырезаны без подставок.

По количеству доминируют одиночные фигуры медведей, оленей, горных баранов, реже встречаются изображения собак, зайцев, лисиц, песцов. Из птиц больше всего уток, а из рыбы — камбалы. Морские промысловые животные представлены моржами в различных позах, а также млекопитающими из семейства тюленей: лахтаками, нерпами, сивучами, морскими львами. Существенно отличаются от других костяных скульптур изображения хищных птиц в полете². Они крупнее всех других фигур, состоят из 3—4 частей и почти всегда орнаментированы.

Медведи в скульптуре даны в момент ходьбы или стоящими на месте, часто с рыбой, зверьком или птицей в зажатой пасти. Формы округлые, живые, вид добродушный. Длина фигурок — от 3 до 8 см.

И в кости и в дереве хорошо и любовно исполнены фигуры оленей, которые, особенно в прошлом, составляли основу существования оленяного коряка. Изображался олень стоящим или бегущим, в основном не с ветвистыми, а с отрастающими рогами. В позе стоящего оленя покорность и покой. Обращают на себя внимание всегда очень тщательно вырезанные копыта. Этим, вероятно, подчеркивалось значение копыт для оленя как орудия добывания пищи зимой. Не забывались и детали: ноздри, уши, маленький хвост. Доверчивость и беззащитность выра-

² Этих птиц В. Г. Богораз называет «совами» [1, 64, 65], в музейных описях ГМЭ они названы «совами» или «орлами».

жают мордочки и фигурки маленьких оленят (ГМЭ 2331—213, 172). Длина фигурок оленей колеблется от 2,5 до 9 см, обычно длина 7—8 см. Среди остальной костяной скульптуры сухопутных животных медведи и олени часто самые крупные из зооморфных фигур.

Горные бараны в костяной скульптуре многочисленны и характерны. Многие сделаны не только из моржовой кости, но и из кости горного же барана. Изображены они стоящими. Длина — в среднем 5 см. В основном вырезались самцы с круто закрученными рогами. Тонко вырезаны копытца. Глаза намечены иногда черными точками, чаще дырочками или выпуклостями. Соблюдаются формы и пропорции животного.

Скульптуры собак из кости сделаны по-разному. Есть крупные, хорошо вырезанные, даже орнаментированные фигуры, но нередко встречаются и такие, где ноги даны сплошным брусом, глаза не намечены, позы невыразительны.

Скульптурных изображений лисиц и песцов в коллекциях совсем мало, и позы и морды их невыразительны. Они напоминают собак, но в отличие от них имеют пышные хвосты. Длина — от 4 до 6 см.

Малочисленны, но хороши зайцы, изображенные бегущими или сидящими. Глаза, ноздри и рот — черные штрихи. Уши настороже.

Замечательно выполнены фигуры морских животных, особенно моржей. В этом, видимо, особенно ярко сказалась наблюдательность приморского коряка — морского охотника. Некоторые моржи изображены настолько живо, что кажется, вот-вот раздастся могучий рев предупреждающего об опасности вожака (ГМЭ 867—16). Легко вырезаны мягкие и сильные изгибы тела, хорошо переданы повороты головы, поза приподнявшегося на лапах животного. У всех фигур моржей внушительные, сильные клыки. Глаза обычно черные точки. Нигде не забыта такая деталь, как едва заметное ушное отверстие у моржей, сивучей, морских львов, которое дано маленькой черной точкой. Чтобы изобразить усы моржа, вся его срезанная морда усыпана черными точками.

Нерпы спокойные, гладкие, овальные, с раздвоенными хвостами и круглыми черными глазами. Длина фигур — до 6 см.

Из рыб наиболее широко представлены в коллекциях и хорошо, с подробностями вырезаны камбалы. Одна сторона их плоская, другая слегка выпуклая. Плавники коротко заштрихованы черным, так же отмечены жабры, глаза, рот. Одна из камбал вся в ровных рядах черных точек. Вызывает удивление малочисленность фигур камчатских лососевых рыб. Казалось бы, что рыба, которая в самом разнообразном приготовлении кормила приморских коряков и их ездовых собак, должна была получить большее отражение в скульптуре [5, 52—53, 56—60; 7, 63—76]. Однако изображения кеты, горбуши, красной рыбы (или нярки), кижуча, чавычи в коллекциях единичны. Все имеющиеся рыбы вырезаны с большим мастерством.

Скульптуры птиц невелики — встречаются размером меньше 2 см. Несколько птиц изображены в полете (ГМЭ 2331—115, 116), другие — стоящими (ГМЭ 2331—131, 133, 136), наиболее часто — сидящими на воде (МАЭ 6355—20, ГМЭ 2331—117, 126, 127). В описях они обычно названы «птицами» или «утками». Иногда помечено «гусь» или «чайка» с вопросительным знаком, а рядом такая же фигура называется «уткой» уже без вопроса. Действительно, характерные отличительные черты птиц различных видов в скульптуре обнаружить трудно. Птицы, плывущие по воде, имеют поднятую головку, плоский низ, спинку, сужающуюся к хвосту. Никакого указания на крылья нет, часто не намечены глаза. Дана только общая фигура. Очень интересна птица, напо-

минающая морскую. В отличие от других она стоит на маленькой подставочке. Загнутый книзу острый клюв сплюснен с боков и открыт. Черным тонким контуром обведены ноздри, глаза, брови, вырезаны большие ушные раковины, приподнят хвост, крылья не намечены (ГМЭ 2331—137). Красива птица, похожая на взлетающего лебедя, с орнаментированными крыльями и хвостом (МАЭ 441—37/87).

Сильно отличаются от всей остальной коряжской скульптуры изображения хищных птиц в полете (рис. 2). Эти фигуры покрыты сплошной орнаментацией (за некоторым исключением) и сделаны, как правило, из нескольких кусков кости. В прочей зооморфной одиночной скульптуре коряжков составные фигуры не встречаются. По размерам орлы также намного больше остальных изображений: длина туловища — 12—13 см, размах крыльев — до 20 см.

Скульптура орла выглядит следующим образом. Толстое, немного сплюсненное вытянутое туловище с боковым сквозным отверстием в середине. В это отверстие вставлены с двух сторон крылья, связанные сухожильной ниткой, которая через отверстие в спине вытянута вверх (для подвешивания) или через отверстие в животе — вниз. Эту нитку можно дергать, и тогда крылья приходят в движение, издавая характерное костяное шелканье. В хищно изогнутом клюве или в когтях зажат зверек. Порой в круглых отверстиях вдоль крыльев, или на концах крыльев, или даже на хвосте продеты грушевидные подвески, вырезанные, возможно, из одного куска кости с крыльями. На спину и крылья нанесен орнамент черными тонкими штрихами или штрихами с точками (ГМЭ 2331—260, 264, 265) (см. рис. 2). В коллекции МАЭ есть комбинированный орел: туловище и хвост из кости, орнаментированы штрихами и точками; крылья деревянные, неорнаментированные (МАЭ 441—37/82).

Групповая зооморфная скульптура из кости немногочисленна, но разнообразна. Все группы на неорнаментированных подставках, вырезанных из одного куска кости с фигурой. Наибольшая длина вместе с подставкой — около 9 см, такова же и наибольшая высота.

Сюжеты следующие: два оленя с отрастающими рогами спокойно стоят рядом (ГМЭ 2331—206); два козленка по выгнутой узкой пластинке убегают от собаки (ГМЭ 2331—177); четыре утенка плывут за матерью (ГМЭ 4849—47); два медведя, стоя на слегка расставленных задних ногах, упершись друг в друга передними лапами и носами, пробуют свои силы в борьбе (ГМЭ 4879—42); медведь тащит по льдине за хвост тюленя (ГМЭ 2331—91, 92, 93); пара сивучей или моржей, отдыхающих на льдине (ГМЭ 2331—70, 4879—58); двое моржей с мощными клыками угрожающе привстали на лапах (ГМЭ 862—10, 4879—57). С большим настроением исполнены скульптурные группы из двух зайцев, обгладывающих зимой стволы голых деревьев (ГМЭ 2331—256, 257,

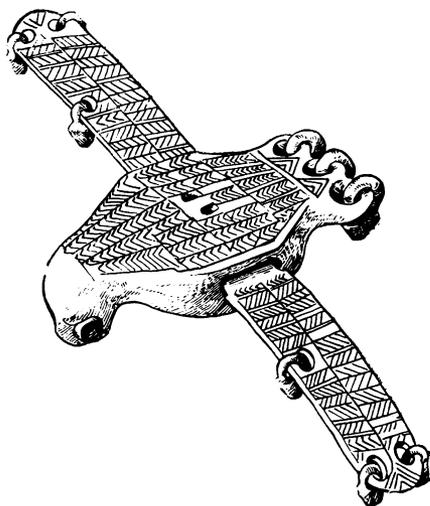

Рис. 2

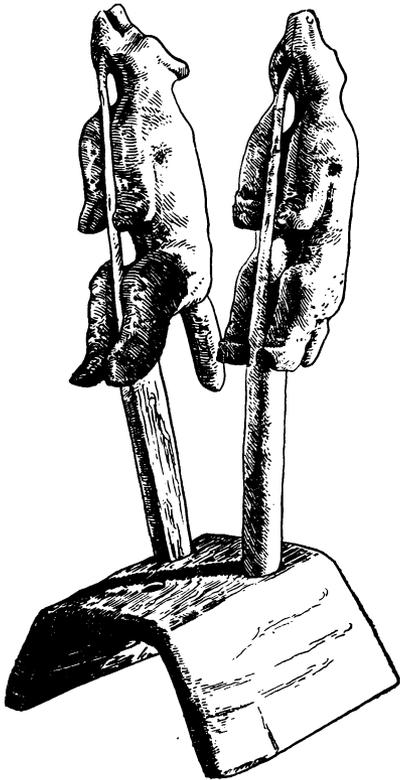

Рис. 3

258). Настороженные позы, полуприжатые уши и полусогнутые задние лапы — все говорит о том, что при первом признаке опасности зайцы готовы спастись бегством. Многие группы исполнены тщательно и очень выразительно.

В коллекции МАЭ имеются две скульптуры из с. Кушка, изображающие, как отмечено в описи, жертвоприношение собак. Одна из них — скульптура на подставке, изображающая двух собак, наколотых на кольях (рис. 3). Обвисшие тела собак безжизненны. На горле имеются продольные ложбинки, куда входят концы кольев. Вторая группа сохранилась не полностью. В наличии только фигуры мужчин в момент закалывания животных, в руках у одного копые (МАЭ 956—124 abc).

Антропоморфная одиночная скульптура из кости в основном включает в себя фигуры мужчин в различных позах и положениях: сидящими (ГМЭ 2331—57), раскуривающими трубку (ГМЭ 2331—60, МАЭ 313—46/4), замахвающимися или держащими что-либо в руках (ГМЭ 2331—45, 51), стреляющими — сидя или стоя на одном колене из ружья на сошке (ГМЭ 4879—36, 39, 44). Одежда на мужских одиночных фигурах чаще состоит только из штанов, редко — еще из

длинной рубахи или шапки. Встречаются фигуры с подвижными руками и ногами (ГМЭ 2331—66). Из этого типа скульптур интересна одна сплошь орнаментированная фигура (ГМЭ 2331—67). Высота ее — 14 см. Ноги прикреплены к туловищу гвоздиками. Длинное угрюмое лицо с заштрихованными черной краской усами, бородой и бакенбардами. Стриженные сзади волосы переходят по бокам в кольца, на которых висят подвески (как у орлов), концы их тоже заштрихованы. Весь живот, спина, верхняя часть рук и ног орнаментированы черными контурами кругов с точкой в центре.

Этот орнамент не характерен для корякской скульптуры, но широко используется эскимосами. Работа и тип лица этой фигуры типично корякские. Подобные лица встречаются на костяных курительных трубках коряков.

Выразительны фигуры шаманов (ГМЭ 867—1; 2331—55, 63, 64, 65; 2332—1). Знаменательно, что не замечено ни одной фигуры шамана в корякской одежде. На них короткая, распахнутая, с фалдами сзади одежда наподобие эвенской или только длинные штаны. Головы либо открытые с корякской стрижкой (бритая макушка, кругом ровно подстриженные волосы), либо в шапках различных (не корякских) фасонов. Одежда часто окаймлена точками или поперечными полосками с точками, как исключение — растительным орнаментом. В руках у шаманов бубны с колотушками, под ногами на подставках несколько видоизмененные головы животных (по-видимому, это духи или мифические существа, которых шаман призывает к себе на помощь в процессе

камлания). Особенностью их являются тщательно выполненные раковины ушей.

Одна из скульптур, изображающих шамана, имеет четыре руки: две держат бубен и колотушку, две другие висят разжатыми. Вероятно, единой фигурой автор попытался показать шамана в разных фазах камлания. Он наклонен вперед, ноги согнуты в коленях. Половину лица скрывают свисающие заштрихованные волосы или мохнатая шапка (ГМЭ 2331—63).

Женских фигур меньше. Круг сюжетов более узок. Одна скульптура изображает женщину в орнаментированной одежде с корзиной за спиной, поддерживаемой лямкой на голове, в корзине сверху маленький ребенок (МАЭ 20—6); другие — женщин, несущих на спине поклажу, лямки от которой опоясывают лоб (ГМЭ 2331—53, 54). Ноша, очевидно, тяжелая — ноги слегка расставлены и согнуты в коленях, фигуры немного наклонены вперед, руки поддерживают лямку у головы. Обе в меховых комбинезонах (навкэй). Высота фигур 6 см. Любопытна фигура женщины с ношей. Она сидит, прижав к груди согнутые руки (ГМЭ 2331—56). Наконец, нужно назвать фигуру стоящей женщины в меховом комбинезоне, с гладкими черными волосами, причесанными на прямой пробор. Эта скульптура примечательна тем, что в ней в качестве декоративного средства применен инородный материал — кусочки олова вместо глаз (ГМЭ 2331—49). Высота ее — 9 см.

Антропоморфная групповая скульптура в кости дана резчиком живо и интересно. Она посвящена сценам домашнего отдыха, национальной борьбы и состязаний. Фигуры людей и предметы не шлифованы, не приглажены, но тело человека, движение, действие скульптор передает естественно. Вырезаются только фигуры мужчин, и чаще всего парные. Они обычно изображены обнаженными до пояса, головы гладкие либо по-коряцки выстрижены кружком на макушке (штриховка волос черная), лица вырезаны четко. Все эти скульптуры сделаны из одного куска кости с подставкой. Они крупнее одиночных. Длина — около 7 см, высота — около 5 см.

Бытовые сюжеты довольно разнообразны. Два обнаженных до пояса коряка, присев на колени друг перед другом, держат обеими руками блюдца с горячим чаем, один дует, другой пьет, приложившись к блюдцу губами (ГМЭ 2331—24). Трое устроились удобнее: между ними низкий столик с чайником, чашками и шахматами, сами они возлежат с довольными лицами, попивая чай. Надо заметить, что столик и шахматы покоятся на спине странного распластанного животного с раздутыми ноздрями и одним сохранившимся раковинообразным ухом (таким же, как у духов или мифических существ при фигурах шаманов). Компания как будто не замечает это животное, с подчеркнутым удовольствием наслаждаясь чаем и игрой. Возможно, что скульптура связана с каким-то мифологическим сюжетом (ГМЭ 2331—21). Два коряка сидят на коленях, между ними табурет с чашкой, в которой лежит нарезанное мясо. Один из них левой рукой подносит кусок ко рту, в правой же держит второй кусок. Его товарищ тоже держит мясо (ГМЭ 2331—22). У другой пары едоков, одетых в штаны, короткие подпоясанные куртки и шапки с мягко загнутыми краями чашка с мясом стоит на земле между ними, и они едят его обеими руками (ГМЭ 2331—23). Несколько пар фигур изображают мужчин, курящих трубку. В одной из сцен коряки кладут в трубку табак. Двое игроков стоя задумались над шахматной доской. Оба очень сосредоточены: один шахматист заложил правую руку за спину и сунул большой палец левой руки в рот; другой, глядя на товарища, в волнении потирает нос (ГМЭ 2331—31).

Несколько парных скульптур изображают мужчин, курящих трубку. В одной из сцен представлены коряки, которые набивают трубки табаком из кисета (ГМЭ 2331—28), в другой — двое курят и жестикулируют (ГМЭ 2331—29), а в третьей — сидят на бревнышке, согнувшись и упершись ногами в другое бревно, и сосредоточенно набивают трубки (ГМЭ 2331—30).

Подчеркнуто динамичными являются сцены различных видов национальных состязаний. В одних скульптурах запечатлены бои на копьях (ГМЭ 2331—16, 47), в других — соревнования в разных видах перетягивания: двое, с петлей на шеях, упершись руками и ногами в землю, тянут соперника на себя (ГМЭ 4879—49); двое, упершись ногами в землю и склонившись вперед, пытаются повалить друг друга (ГМЭ 4879—46); двое, сидя лицом к лицу и упершись ногами в доску между ними, вытянутыми руками тянут к себе палку, за которую оба держатся (ГМЭ 4879—60); двое, сидя, упершись стопами ног в стопы противника, обхватились руками, перетягивая один другого (ГМЭ 862—19).

Несколько скульптур (ГМЭ 867—3; 2331—18, 19, 41; 2332—3; 4879—41, 45, 59) посвящены спортивной борьбе. Фигуры борцов не всегда пропорциональны, они вырезаны с нарочито выпуклыми мускулами, авторы стремились подчеркнуть лишь силу, ловкость, устойчивость. Очевидно, что скульпторы изображают не борющихся людей, а саму борьбу. В некоторых случаях настолько сильно акцентируется внимание на одном из моментов схватки, что детали опущены, лица совсем не вырезаны, головы представляют собой просто шар (ГМЭ 4879—45). Но эта простота только подчеркивает напряженность борьбы. Резчик, видимо, умышленно не останавливается на частностях, обращая внимание лишь на основное действие.

Всестороннее отражение в скульптуре из кости получила деятельность коряков как морских и сухопутных охотников. Костяная антропоморфная скульптура дает представление о многотрудном морском промысле, об охоте на медведя, о ловле диких оленей, о поездке на нартах в собачьей упряжке, о жертвоприношении собак. Композицией каждой скульптуры мастер старается передать настроение данной ситуации, порыв, действие, не обращая большого внимания на отделку, обработку самого изделия.

В миниатюрных (от 4 до 10 см) сценах резчики сумели передать смелость, осторожность и ловкость морских охотников, которым приходится с ружьем или копьем подкрадываться — в одиночку или группами, в лодке или ползком по льдине — к тюленю, нерпе, сильному клыкастому моржу. Иногда охотник хватается за хвост пытающегося ускользнуть в прорубь тюленя и, одолев его, тащит на веревке, сгибаясь от напряжения (ГМЭ 4879—59; 2331—9, 10).

Не легче охота и на земле. С ружьем на сошке стоит охотник перед надвигающимся медведем или идет на него с копьем наперевес. Фигура охотника живо выражает смелость и собранность (ГМЭ 2331—1, 2, 3; 4879—51).

Поимка дикого оленя не всегда удачна для охотника. Иногда единоборство кончается победой оленя, сумевшего перебросить через себя человека, который и тут не выпускает из рук рога (ГМЭ 2331—11; 2331—2). Сложна также охота на белок и горных баранов. В скульптуре показано, как охотник преследует баранов по горным скалам, как выслеживает белок, принимая самые неудобные позы, чтобы пулей не испортить шкурки (ГМЭ 2331—5, 6).

Одна из скульптур изображает двух мужчин, стоящих на коленях и

«свежую» тушу оленя (ГМЭ 2331—26); другая — сидящего человека, который разрубает топором голову оленя, лежащую у него на коленях (ГМЭ 2331—27).

На пластинках в 15—18 см длиной резчик располагает упряжку из двух, четырех или шести собак с ездоком. Ездок почти всегда спокойно сидит, свесив ноги на одну сторону нарт. В своем спокойствии он, случается, не замечает, что сзади на навьюченную нарту залезает медведь или что собаки нагоняют медведя, бегущего впереди (ГМЭ 862—15; 2331—15; 4879—48).

В коллекции ГМЭ имеются две костяные скульптуры, изображающие всадников на оленях. Оба держатся за рога. Один из них сидит в седле на лопатках оленя, как это делают эвены (ГМЭ 2331—12). Другой сидит сзади, сгорбившись, поджав одну ногу, и вся его фигура несколько комична (ГМЭ 867—4). Всадники одеты в короткие эвенские куртки и эвенские шапки. Один из оленей с высунутым языком, как у скульптур собак. Фигуры вырезаны живо и естественно. Известно, что коряки не ездили верхом на оленях. Об одном из всадников в описи ГМЭ помета: «Гижигинский округ, Приморская область, 1903 г.» Возможно, второй всадник имеет то же происхождение. В районе Гижиги коряки иногда встречались с эвенками и, конечно, видели их сидящими на оленях. Видимо, эти впечатления и отражены в указанных выше скульптурах.

Многофигурных костяных скульптур в обоих музеях всего несколько штук. В основном они сделаны из серой кости кита. Общий сюжет — лодки с седоками. Вырезаны из одного куска кости, небрежно. Видимо, этот вариант скульптуры не развился (ГМЭ 4879—43). В МАЭ хранится скульптура сдвоенного бота с тремя людьми и грузом на корме (МАЭ 441—37/18). Такими лодками пользовались три группы коряков: паланцы, олюторцы и карагинцы.

Перейдем к рассмотрению деревянной скульптуры.

Зооморфная одиночная скульптура из дерева по количеству предметов довольно скудна. В ней представлены изображения тех же видов сухопутных животных и рыб, что и в костяной скульптуре, но в очень незначительном количестве и на более низком художественном уровне. Горные бараны (рис. 4) большие и толстые (МАЭ 441—441). Олени — (рис. 5) в спокойной позе, с ветвистыми рогами (МАЭ 3896—37). Зато живейшее участие скульпторы по дереву проявляли к собакам. Их фигур больше по количеству, и выполнены они лучше костяных. Это упряжные ездовые собаки, вырезанные из одного куска дерева; изображены они на бегу в энергичной, устремленной вперед позе, часто с высунутым красным или светлым, незакрашенным языком. Многие из них выкрашены в черный цвет. Этой же краской иногда полностью покрывались и фигуры других животных.

Морская фауна почти полностью отсутствует. Она представлена равнодушно вырезанными немногочисленными тюленями.

Антропоморфные одиночные фигуры в деревянной скульптуре четко делятся на два вида — покрашенные (например, человек в черной шапке и короткой черной куртке, из-под которой виднеется красная рубаха; лицо его и руки покрыты желтой краской [ГМЭ 4879—103]) и незакрашенные (например, скульптура человека с вращающимися на гвоздиках руками и ногами [МАЭ 3896—33, 34] или фигура спокойно стоящего мужчины из одного куска дерева [МАЭ 3896—32]). По размерам деревянные фигуры больше костяных, небрежнее сделаны. Скульптуры, покрытые краской, по исполнению лучше, чем незакрашенные. Женских фигур в дереве не наблюдается.

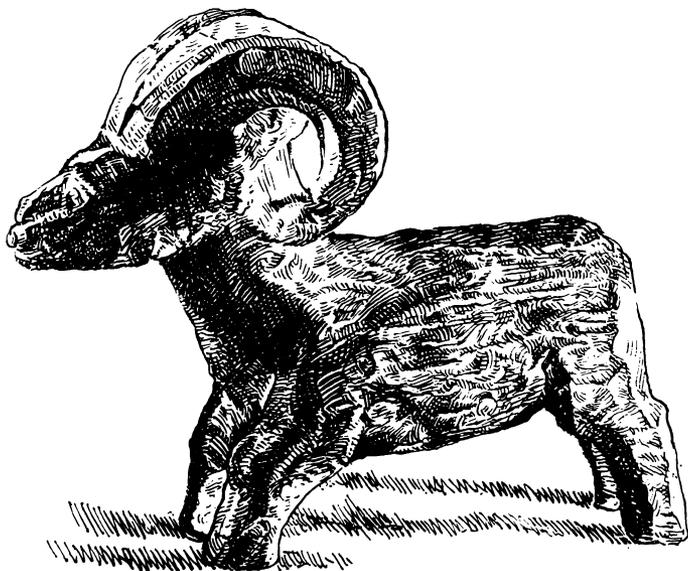

Рис. 4

Встречаются вырезанные из дерева отдельные лица типа обрядовой маски (ГМЭ 2105—16).

Деревянная смешанная скульптура представлена всадниками или фигурой человека, ведущего навьюченную лошадь. Подобные скульптуры (ГМЭ 4879—88, 89) обычно сделаны на подставках и покрашены черной, красной и желтой красками. И в одиночном исполнении, и в виде всадников раскрашенные фигуры людей красочны, живописны. Всадники не всегда полностью в национальной одежде — есть фигуры в широкополых шляпах (ГМЭ 4879—89). Одна из фигур частично покрашена только черной краской (ГМЭ 4879—90).

Деревянные скульптуры животных и, иногда, людей входят составной частью в модели оленных и собачьих упряжек. Фигуры седоков и собак или оленей в них вырезаны в той же манере, как и одиночные фигуры. Упряжки состоят из различного количества собак или оленей в ременных постромках, запряженных в грузовые нарты для перевозки детей. Соблюдены все правила изготовления нарт и упряжки животных. Собаки из дерева крупнее, чем из кости (9—10 см), нарты значительно крупнее костяных, они достигают 30 см длины. В моделях упряжек кроме дерева применены и другие материалы: ремешки из ровдуги, переплетения из сухожилий, полости из меха и т. д. Все сделано тонко, аккуратно и соответствует подлинным предметам.

Незначительная по количеству деревянная многофигурная скульптура, как и костяная, изображает охотников в лодке. И здесь скульптуры включаются в модель хорошо выполненной промысловой лодки. Лодки и фигуры вырезаны из отдельных кусков дерева, фигуры сидящих людей слегка откинута назад, по ходу лодки. Сделаны они схематично, одежда не указана, все покрашено в темный цвет (ГМЭ 2331—280).

В целом стиль, способ изображения в кости и дереве идентичны. Но между ними имеется и ряд различий.

Костяная скульптура в целом мельче деревянной (разница между однотипными фигурами доходит до 3 см), что обусловлено естественными размерами самого материала.

Не все сюжеты костяной скульптуры повторяются в деревянной. Так, в последней отсутствует групповая антропоморфная скульптура. Зато многофигурная деревянная скульптура, правда малочисленная, выполнена много лучше аналогичной костяной. Далее, закрашивание скульптуры можно встретить только в дереве. Основная масса скульптуры светлого, естественного дерева, но значительный процент ее частично или целиком закрашен. В основном использовалась черная краска, реже — темно-красная и желтая. Черным, например, целиком закрашивались фигуры медведя, тюленя, а красным — лисы. Нередко животное покрывали черными пятнами. Сочетание всех трех красок встречается только на отдельных фигурах человека и скульптурах всадников, где конь, верхняя одежда и головной убор человека черные, лицо всадника покрыто желтой краской, а рубаха под верхней распахнутой одеждой красная.

На кости же краска (черная) использовалась в минимальном количестве — только для того, чтобы отметить точкой или штрихом глаза у человека или животного, полоской — рот, штрихами или множеством точек — волосы на голове человека. Иногда штрихами разделялись пальцы на руках и ногах.

Еще одним существенным отличием является и почти полное отсутствие орнамента в дереве.

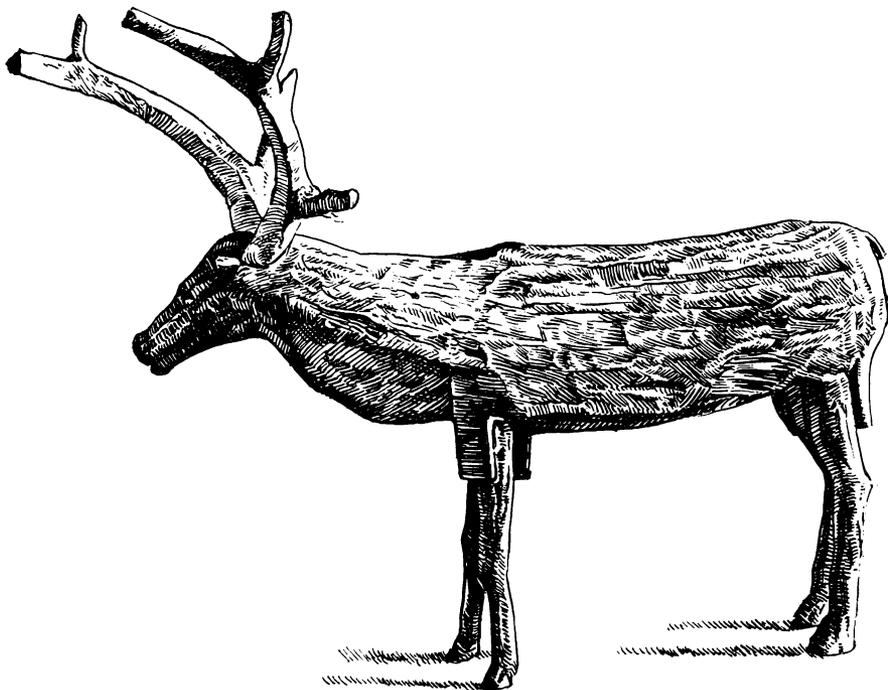

Рис. 5

Наконец, в отличие от костяной, почти всегда цельной, деревянная скульптура нередко выполнена из нескольких кусков дерева. Различные части склеивались, привязывались, гвоздиками прикреплялись руки и ноги человека, рога оленя.

Анализ сходства и различия деревянной и костяной скульптуры и, главное, значительно более высокое мастерство исполнения костяных изделий дают основание предполагать, что костяная скульптура первична, а деревянная появилась позже на ее базе и вобрала в себя технику исполнения, содержание, миниатюрность резной кости. Отмеченное же выше своеобразие деревянной скульптуры, очевидно, обусловлено материалом. Возможно, что традиционное тяготение коряков к искусству объемной резьбы с потерей моржового клыка как материала заставило их обратиться к поискам другого материала, которым и оказалось дерево.

В заключение следует подчеркнуть, что резная скульптура могла бы помочь в этнографическом изучении коряков. Скульптуры, изображающие жилище, женщин в национальной одежде, несущих тяжесть традиционным способом, камлающих шаманов, сцены охоты, модели летнего балагана, нарт, лодок, упряжи и т. д.— все это дает широкие возможности для воссоздания ушедших в прошлое вещей и обычаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее императорской Академии наук,— «Сборник МАЭ», т. II, СПб., 1901.
2. Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах,— «Вестник РГО», ч. XV, раздел V, 1855, стр. 51—63 [разд. пагинация].
3. Иохельсон В. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана,— «Известия РГО», т. XLIII, СПб., 1908, стр. 63—92.
4. Орлова Е. П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость, Новосибирск, 1964.
5. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год (Отчет Приамурского управления государственных имуществ), Хабаровск, 1910.
6. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание, т. I, СПб., 1900.
7. [Слюнин Н. В.] Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчет доктора Н. Слюнина за 1892—1893 гг., СПб., 1895.
8. Jochelson W. The Koryak, pt II, Leiden — New York, 1908.